

Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВОЙ

1829, (1845)

Надежда Николаевна *Шереметева* (рожд. Тютчева; 1775—1850) — тетка поэта. Имя ее встречается не только в связи с историей его семьи. Известна переписка Гоголя с Шереметевой, которую он называл своей «духовной матерью». Известна и переписка Жуковского с нею, а также его слова, к ней обращенные: «Поверьте мне, что люблю вас всем сердцем за вас самих и за ваше несчастье, которое вы умеете делать высоким добром для вашей жизни» (РС, 1892, т. 76, окт., с. 150—151).

Письмо Тютчева к Шереметевой относится к тому времени, когда несчастье, о котором писал Жуковский, уже обрушилось на ее семью. Это был арест зятя, мужа ее дочери Анастасии Васильевны, — Ивана Дмитриевича Якушкина, известного деятеля декабристского движения.

Декабрьские события, — читаем в записках Н. В. Якушкина, — застают Якушкиных в Москве. Попытки Ивана Дмитриевича поднять на помощь петербургским товарищам военное восстание терпит неудачу, и он с полным самообладанием ожидает ареста. Надежда Николаевна отдает себе ясный отчет в надвигающихся событиях. Она спешно вызывает из Покровского своего управляющего Якова Игнатьевича Соловьева и поручает ему в определенном месте покровского дома выломать половицы и сжечь хранящиеся там бумаги («Новый мир», 1964, № 12, с. 153).

10 января 1826 г. Якушкин был арестован. Единственное свидание с женой и тещей он получил уже после вынесения приговора, по которому был осужден на 20 лет каторги. Во время этого свидания было решено: Анастасия Васильевна с детьми поедет за мужем в Сибирь, и Надежда Николаевна будет сопровождать их (там же, с. 154).

Поездка не состоялась. Но мысли о ней не оставляли Анастасию Васильевну все последующие годы, и мать «сумела в этом вопросе стать выше всяких личных побуждений» (там же, с. 157).

Принимать участие в судьбах других, заботиться о них, хлопотать за них стало жизненным кредо Шереметевой. Не случайно первое письмо Тютчева начинается словами благодарности за готовность Шереметевой «ходатайствовать» по делу продвижения его по службе.

Сохранилось два письма Тютчева к Шереметевой. Оба они публикуются ниже. Первое письмо печатается по копии из *Собр. Пигарева* (автограф его неизвестен); идентичность отдельных мест копии вызывает сомнение — в этих случаях в тексте письма сделаны наиболее очевидные конъектуры, отмеченные угловыми скобками. Второе письмо* печатается по автографу: ЦГАОР, ф. 279 (Якушкиных), оп. 1, ед. хр. 141.

Письма Шереметевой Тютчеву неизвестны.

1

Минхен. Сего 16/28 декабря 182

Много и непростительно виноват перед вами, милостивая государыня тетюшка, что так поздно отвечаю на родственно-милостивое письмо ваше. С братом Алексеем Васильевичем собирался было писать к вам ¹, но подумал, что лучше будет предоставить ему изъяснить вам мою признательность. Теперь известился через письмо от своих ², что я вам новую обязан благодарностию. Вы пред(по)лагали ехать в Петербург ходатайствовать по моему делу. Душевно тронул меня сей знак вашего расположения, но теперь при переменившихся обстоятельствах сия поездка была бы бесполезна ³. Не менее того в полной мере чувствую всю цену сего истинно-родственного предложения.

Я полагаю, что Ал(ексей) Васильевич теперь с вами, и от всего сердца, любезнейшая тетюшка, поздравляю вас с его приездом. Благодаря этим шести

* Публикация Т. Г. Д и н е с м а н.

неделям, что он провел с нами, легко вообразить, как утешительно должно быть для вас его присутствие. Прошу вас покорнейше еще раз поблагодарить его за всю им оказанную нам дружбу. Не говоря о себе, он оставил в Минхене искренно-преданных ему друзей. Не проходит дня, чтобы речь не шла о нем, и в первые дни по его отъезде он точно такую оставил пустоту у нас в доме, как бы несколько лет сряду жил с нами вместе. Кто его знает, тому сие покажется весьма естественно. С его редкими душевными свойствами, с его прекраснейшим характером ему везде легко будет найти искреннюю сердечную приязнь и оставить по себе добрую любезную память. Всем его знающим и любящим должно быть крайне утешительно говорить про него с вами. В нем послана вам, любезнейшая тетушка, большая награда за вашу большую доброту. И да сохранит вас Бог обоих для вашего взаимного щастия.

Мы на днях получили от него письмо из Вены⁴. Но пусть он сам расскажет вам им совершенные подвиги. Вы, вероятно, захотите известного рассказа, чтобы поверить оным. Жена просит у вас позволения самой <писать> к вам, а я прошу у вас для нее вашего родственного расположения. Брату, которого еще со мною нет, я передам поклон ваш. Любезнейшим сестрицам, буде они меня не совсем позабыли, мое усердное почтение, равно и Михаилу Николаевичу⁵, и, поздравляя вас и их с наступающим Новым годом, с искренним желанием всех благ, пребуду навсегда с душевным почтением и преданно стию, милостивая государыня тетушка,
ваш покорный племянник

Ф. Т ю т ч е в

¹ Алексей Васильевич *Шереметев* (1800—1857) — сын Н. Н. Шереметевой, двоюродный брат поэта. Ему посвящено стихотворение «Послание к А. В. Шереметеву» (1823). О пребывании Шереметева в Мюнхене осенью 1829 г. см.: А. Л. О с п о в а т. Из материалов для биографии Тютчева. — «Известия ОЛЯ АН СССР», 1986, т. 45, № 4, с. 352.

² Это письмо неизвестно.

³ 31 октября 1829 г. Тютчев был произведен в титулярные советники. Видимо, эти «переменившиеся обстоятельства» подразумеваются в его письме.

⁴ Это письмо неизвестно.

⁵ Имеются в виду дочери Шереметевой — А. В. Якушкина и ее старшая сестра Пелагея Васильевна, а также муж последней — М. Н. Муравьев (письмо Тютчева к П. В. Муравьевой публикуется в наст. томе).

Если бы не чудовищная лень моя и глупая непривычка писать по-русски, я бы давно, любезнейшая тетушка, завел с вами постоянную, бесконечную переписку. Много вы утешили нас, жену и меня, письмом вашим. Вы, надеюсь, не сомневаетесь в нашей к вам привязанности и признательности за ваше родственно-дружеское расположение. Жена в особенности поручила мне благодарить вас,

Н. Н. ШЕРЕМЕТЕВА

Портрет работы Г. И. Белова (масло). Москва, вторая четверть XIX в.

Музей-усадьба «Мураново» им. Ф. И. Тютчева

что вы частичку этого уделите и на ее портрет, который и сам бы, вероятно, высказал вам тоже свою благодарность, если бы, при свидании с вами, удалось ему промолвить хоть одно словечко. Но по объясненной вами причине, это, хоть бы и не для портрета, при данных обстоятельствах была вещь невозможная, как мы теперь ежедневно и ежечасно в том удостоверяемся.

Вчера, в день праздника, мы все обедали у Палагеи Васильевны. Давно уж я собираюсь, любезнейшая тетушка, попросить вас, чтобы вы и от себя поблагодарили Палагею В(асильевну) за всю ее любовь и ласку к моим иноземным дочерям¹. С их самого приезда в Россию, она была для них чрезвычайно хороша, что меня гораздо более радует, нежели я сам ожидать мог от моей весьма умеренной родительской нежности. Вам, может быть, уже известно, что обе меньшие дочери помещены в здешнем Смольном институте, где, по-видимому, им очень хорошо. Многому они, я думаю, там не научатся, но об их учености я мало и забочусь. Главное для меня — это чтобы они как можно скорее привились к России. А для этого общественное воспитание есть, конечно, самое верное и надежное средство. Касательно же присмотра и обращения с ними можно также быть совершенно довольными. Их не только любят, но, по-моему, даже и балуют... Но я в этом не судья...

О брате Николае я, как оно и следует, с самой минуты его отъезда никакого известия не имею, а предполагаю, что он теперь в Риме... скучает. Когда же он намерен свою заграничную скуку променять на отечественную, не знаю и вероятно, что из переписки нашей этого скоро и не узнаю.

Мне приятно было слышать, что вы познакомились с Смирновой: умная и очень, очень любезная женщина. Но что же касается до ее несчастной участи, в этом я с вами не могу согласиться, так как я и с нею самою не соглашался²... Об ее, как и о многих из нас, несчастии можно со всею справедливостию сказать, что оно *с грехом* пополам...

Вы, конечно, пожалели о Тургеневе³. При всем его легкомыслии и пустословии, в нем было много доброго, много души.

По делу Щепкина я, вопреки вашему необычайному и несправедливому предубеждению, тотчас же снесся с Григ(орием) В(асильевичем), который вторым опекуном, — и не замедлил известить Палагею В(асильевну) об ответе⁴.

Кончаю, любезнейшая тетушка, с чего бы начать следовало, т. е. поздравлениями с праздником, Н(овым) годом, и поручаю себя вашей любви и памяти.

Год устанавливается по содержанию (см. прим. 3).

¹ 25 ноября 1845 г. Тютчев писал родителям, что глубоко признателен П. В. Муравьевой «за приятнь, постоянно выказываемую ею детям со времени их приезда», и что он «глубоко этим растроган» (Соч. 1980, т. 2, с. 79).

² В это время А. О. Смирнова испытывала тяжелый внутренний разлад и часто жаловалась близким на свое невыносимое душевное состояние (см., например, ее письмо Гоголю от 3 июня 1845 г. — РС, 1890, № 6, с. 644).

³ А. И. Тургенев скончался 3 декабря 1845 г.

⁴ В чем заключалось «дело Щепкина», установить не удалось.